

**«ЛЮДИ В ЧЕРНОМ»: СЕМАНТИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ
СЕКТАНТ И БАПТИСТ
В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1958—1964 ГОДОВ**

Т. В. Савина

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
Поступила в редакцию 17.01.2023 г.
Принята к публикации 03.04.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-4

В постреволюционный период идеологическое освоение населением новой политической лексики вынудило советскую власть взять на себя роль интерпретатора и включиться в процесс семантизации новых понятий с помощью средств массовой информации и художественной литературы. В то же время потребовался пересмотр устоявшихся концептов с тем, чтобы вписать их в новую картину мира «советского человека». Перемены в семантической структуре религиозной лексики как идеологически маркированной отражали изменение основных ценностей советского общества. В статье на основе компонентного и контекстологического анализа исследуется процесс целевой семантизации ключевых понятий антирелигиозной кампании Н. С. Хрущёва 1958–1964 годов – «сектант» и «баптист». В ходе кампании детской аудитории навязывался с помощью средств массовой информации и агитационной литературы набор семантических признаков слова в рамках идеологической конъюнктуры. Анализ языкового материала газеты «Пионерская правда», детских журналов «Пионер» и «Костер», а также ряда произведений детской литературы показывает, что специфика целевой аудитории (дети школьного возраста) обусловила создание семантических примитивов за счет радикального сужения семантики слов «сектант» и «баптист». Задействованные языковые средства, такие как новые лексические пары «сектанты-баптисты», «фанатики и изуверы» и «диверсанты и злодеи», а также языковые маркеры цвета, звука, внешности, возраста и локации, позволили создать негативный образ верующего протестантской конфессии и в конечном итоге превратить понятия «сектант» и «баптист» в политический ярлык.

Ключевые слова: *целевая семантизация, сектанты, баптисты, антирелигиозная кампания Н. С. Хрущёва, идеологический примитив*

Коренные политические и социальные изменения в российском постреволюционном обществе стали причиной невероятного искусственно созданного ускорения естественного процесса расширения словарного состава языка. Идеологическое освоение населением новой политической лексики потребовало от советской власти взять на себя роль интерпретатора и включиться в процесс семантизации новых понятий с помощью средств массовой информации и агитационно-художественной литературы. Внедрение в языковое сознание таких ключе-

вых концептов, как «коммунизм», «эксплуатация», «диктатура», предполагало примитивное толкование, чтобы встроить новое понятие в бинарную картину «нового мира» и места в нем «нового человека». Однако процесс семантизации затрагивал не только идеологическое освоение новых концептов, но и пересмотр старых, уже существовавших в языке и до поры не связанных со сферой политической лексики. Смена власти не в силах директивно отменить язык, однако новой власти оказалось вполне по силам переосмыслить устоявшиеся концепты и вписать их в идеологическое пространство «советского человека». Помимо прочего под давлением политической лексики оказалась сфера религиозного (см.: Купина, 1995).

Немногочисленные исследования, посвященные функционированию религиозной лексики в русском языке советского периода, в основном сосредоточены на изучении генеральной динамики изменения семантики религиозного слова как идеологически маркированного (Васильев, 2012; Крылова, 2018; Булыгина, Трипольская, 2020). Отраженные в языке изменения ценностей советского общества, зафиксированные в толковых словарях, позволяют проследить процесс кодифицированной семантизации, когда толкование значения слова является общепринятой нормой, при этом идеологизированное толкование вытесняет первоначальное значение. В отличие от кодифицированной семантизации, целевая семантизация использовала более разнообразные средства. С помощью средств массовой информации и агитационной литературы аудитории навязывался набор семантических признаков слова в рамках идеологической конъюнктуры. Существует ряд исследований, прослеживающих изменение в советский период коннотаций отдельных слов религиозной лексики: *Бог, безбожник, беззаветный, грех (греховный) Пасха, Крещение* (Новикова, 2018; Сурикова, 2014). Например, исследователи отмечают знаменательное новое распределение значений в семантической структуре слова *создатель*, которое стало связываться с именем Ленина, а значение *Бог как творец мира* толковалось как устаревшее (Купина, 1995, с. 30). Лингвистический анализ процесса семантизации религиозной лексики в советский период однозначно свидетельствует о том, что одним из механизмов толкования значений стало сужение семантики до идеологического примитива для более легкого и надежного его усвоения носителем языка (Там же, с. 14 – 15).

Тем не менее существенным пробелом является изучение вопроса целевой семантизации религиозной лексики на площадке советской прессы, которому посвящено сравнительно мало исследований (см., напр.: Москвина, 2021), при этом языковыми аспектами коммуникации власти и общества по вопросам религии первыми заинтересовались не лингвисты, а историки (Горбатов, 2014; Шмелев, 2015; Галиева, 2018). Это неудивительно, поскольку такое исследование требует широкого исторического контекста. Кроме того, обращает на себя внимание то, что материалом для лингвистического анализа, как правило, служит весь пласт религиозной лексики в целом, без учета специфики разделения верующих на конфессии.

Антирелигиозные кампании на протяжении всего советского периода российской истории актуализировали религиозный словарь на страницах СМИ, занимаясь его толкованием и переосмыслением в рамках идеологического заказа. В этом отношении антирелигиозная кампания, развернутая при Н.С. Хрущёве в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов имела ряд специфических особенностей. Она носила выраженный «антисектантский» характер, когда верующие представлялись «фанатиками» и «изуверами», а одной из целевых аудиторий выступали дети школьного возраста. Это привело к тому, что в «антисектантской» кампании активно участвовала детская общественно-политическая печать, а также художественная литература для детей.

Целью настоящего исследования является анализ языковых средств, задействованных в хрущёвской антирелигиозной кампании для создания негативного образа верующего. Используемый в исследовании метод контекстологического анализа позволяет изучить процесс целевой семантизации таких ключевых понятий кампании, как «баптист» и «сектант», и исследовать механизмы идеологизации понятий «баптизм» и «сектантство», учитывая особенности восприятия незнакомого концепта детской аудиторией. Компонентный анализ позволяет проследить расширение семантической структуры слова «баптист» за счет атрибутивного сопровождения в виде маркеров цвета, звука, внешности, возраста и локации. Источниками для исследования послужили материалы газеты «Пионерская правда», журналов «Костер» и «Пионер» 1950—1960-х годов, а также произведения детской художественной литературы с антирелигиозными сюжетами.

Не каждый сектант — баптист, но каждый баптист — сектант

В русской лексике изначально нейтральные термины «секта», «сектант» и «баптист» приобрели негативную коннотацию в поздний период Российской империи. Отпадение от православия в сектантство наказывалось как уголовное преступление, в то время как Российская православная церковь вела активную борьбу с «сектами». После прихода большевиков к власти термин «сектант» приобрел кратковременную положительную коннотацию: сектанты рассматривались как союзники большевиков в борьбе с православной церковью, а также как «стихийные коммунисты», призванные доказать народническую мечту о «коммунистическом» характере русского народа (Эткинд, 1996)¹. Однако уже в первой половине 1920-х годов термин «сектант» утратил эту кон-

¹ Даже в 1930-х годах еще были слышны отзвуки такого восприятия баптистов. Например, в повести Н.В. Богданова «Вызов» есть такой диалог между бывшими друзьями, один из которых стал баптистом: «— У нас давно коммунизм. Пришли мы к нему не кровопролитием и насилем, а только с верой христовой, выполняя его заветы. — И там всех кормят? — Всех. — Ну, а если весь свет в баптисты перейдет? — Наступит, братец, царствие небесное на земле... — Выражайся проще — коммунизм, значит <...> Чудно, а я думал — вы просто чудачки» (Богданов, 1931, с. 69).

нотацию. Напротив, большевики стали воспринимать евангельских верующих, таких как баптисты, евангельские христиане, меннониты, адвентисты, пятидесятники и др., в качестве главных противников на поле идеологического противостояния. Деятельность сект стала рассматриваться властью как контрреволюционная, что было закреплено соответствующим толкованием как средствами кодифицированной семантизации (словарями), так и средствами массовой информации.

Так, например, «Малая советская энциклопедия» давала такое определение: «Сектантство в России... *противодействует социалистическому строительству, являясь прибежищем бывших помещиков, капиталистов, кулаков, царских чиновников до жандармов включительно.* <...> Некоторые секты являются определенно *контрреволюционными* организациями» (Урсынович, 1931, с. 740). В семантической структуре слова религиозный компонент был потеснен политическим: *бывшие* и *контрреволюционные*. В издании «Старая и новая деревня», предназначенном для детей старшего школьного возраста, автор объяснял: ««Сектанты не признают церкви и обрядов, но они верят в евангелие и учат, что все люди братья, что нужно любить наших врагов и т.д. Таким учением сектанты играют на руку всем *эксплоататорам*. Разве капиталист — брат рабочему? Гнет капиталистов и помещиков может быть свергнут только революционной борьбой» (Богданов, 1930, с. 167). Критика догматов веры имела ярко выраженный классовый характер, когда религиозная лексика приобретала не свойственную ей коннотацию. Квазилогическое построение «капиталист — не брат рабочему» легло в основу критики символа веры протестантов о том, что «все люди — братья», а само слово «брат» получило негативную окрашенность: слова «брат», «братец», братья во Христе» стали брать в кавычки, выражая имплицитную иронию по отношению к основному постулату веры протестантов — о ненасилии. Реабилитация евангеликов в годы Великой Отечественной войны привела к созданию лояльного к властям Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов в 1944 году. Здесь уместно вспомнить, насколько неожиданным стало «извлеченное из глубин истории духовной сферы» обращение Сталина к народу о начале Великой Отечественной войны: «*Братья и сестры... к вам обращаюсь я*» (Воронов, Любезнова, 2016, с. 63; здесь и далее в цитатах курсив мой).

К 1950-м годам даже кратковременные положительные коннотации полностью исчезли из семантики обоих понятий («сектант» и «баптист»). К этому времени стало набирать силу идеологическое противостояние в Холодной войне. Криминализация любых контактов — личных, институциональных, идейных, теологических — с заграницей привела к тому, что в семантической структуре слова «баптист» произошло перераспределение значений: на первый план вышло значение *чуждый* как идущий извне, из-за границы, из Америки. Кодифицированная семантизация, закрепленная в Толковом словаре русского языка Ожегова в версии 1960 года, интерпретировала понятие баптизм достаточно нейтрально: «Баптизм, -а, м. Разновидность протестантизма, возникшая в нач. 17 в. и распространенная главным образом в Америке и

Европе» (Ожегов, 1960, с. 59). А вот в выпущенном в 1961 году диафильме «Сектантство и его сущность» уже четко звучит оценочность: «Одна из наиболее распространенных сект — секта баптистов. Особенно много баптистов в Соединенных Штатах Америки, где во главе секты стоят крупные капиталисты» (студия «Диафильм», 1961). То же подчеркивала книга «Жизнь на коленях», популярно объяснявшая детям, кто такие баптисты: «В наше время США являются мировым центром баптизма. В Вашингтоне находится Всемирный союз баптистов» (Маят, Узков, 1964, с. 14).

Семантика «чуждый потому что капиталистический» выводила понятие «баптист» на уровень участника идеологического противостояния между коммунистическим и империалистическим мирами, отесняя религиозный компонент на периферию значения, при этом в атрибутивных характеристиках прозвучали слова *диверсанта* и *злодеи*. Широкое обращение к детской аудитории в средствах массовой информации и произведениях литературы было продиктовано стремлением власти «оградить» подрастающее поколение от «чуждого влияния» и с помощью атеистической литературы «воспитывать в наших ребятах моральные качества настоящего коммуниста» (Будная, 1966, с. 40).

Красное и черное

С учетом возрастных характеристик и определенной незрелости целевой аудитории задействованные языковые средства значительно отличались от предыдущих антирелигиозных кампаний: хрущёвская «антисектантская» пропаганда апеллировала к чувству *запретного* и *страшного*. В дополнение к уже апробированным техникам семантического преобразования значения слова в антонимическом контексте был создан ряд лексических соединений, направленных на закрепление эмоционального воздействия идеологического посыла.

Привычное для советской пропаганды использование прилагательного *красный* в его идеологическом значении «относящийся к революционной деятельности» для детской аудитории изначально ассоциировалось с *красным* пионерским галстуком. Противостояние между пионерской организацией (школой) и религиозным сознанием со времен самых первых антирелигиозных кампаний часто выливалось в борьбу вокруг красного галстука. Активно эксплуатируя сюжет 1930-х годов, пионерская пресса постоянно предлагала страшные истории о том, как родители-баптисты уничтожали красные галстуки детей-пионеров. «Пионерская правда» в 1963 году напечатала «Обращение сбора победителей всесоюзного соревнования пионерских отрядов», в котором был такой пункт: «Внимание к каждому — вот наш закон. Если опустела парта — отряд бьет тревогу. Если твоего друга тянут в сети попы и сектанты — отряд борется, пока не победит» (Обращение..., 1963). Лексическое соединение «тянуть в сети» получило ограниченную сочетаемость с одним возможным актором — сектантом.

«Пионерская правда» рассказала в 1964 году историю мальчика Толи Хмары из алтайского поселка Кулунда о том, как «отец-баптист надругался над пионерским галстуком»: «Отец нагнул, взял топор. Что

будет? Каждый удар топора по распластавшейся красной материи как пощечина. Отец смял лоскутки, бросил в пламя печи» (Осиное гнездо, 1964). Еще одна история девочки Нины: «...сектанты организовали подпольную воскресную школу, куда насильно отвели Нину. “Святые служители” решили отгородить детей сектантов от школьной и пионерской жизни, *заставляли* детей снять галстуки» (Галстука я не сниму, 1967). Журнал «Костер» рассказал о нескольких детях из семей баптистов: «Мать *изорвала* галстук на глазах у девочки и целый месяц не пускала ее в школу» (Добровольцы, 1963), в семье другой девочки баптисты «сожгли ее красный галстук» (Если человек..., 1969). Историю мальчика Толи Хмары из Кулунды журналист «Пионерской правды» закончил пафосно: баптиста судили, потому что «красный галстук, пионерская организация с ее *веселыми сборами, дальними походами, стремлением узнать* обо всем в мире мешали этому пауку раскидывать сети, и он шел на гнусный обман, преступления». Инерция пропаганды была настолько велика, что даже после 1965 года, когда «антисектантская» кампания была фактически свернута, детская пресса продолжала публиковать истории о сожженных, отобранных, выброшенных пионерских галстуках детей.

Внешние проявления принадлежности человека к баптистской, или вообще сектантской, общине закреплялись с помощью изобразительных средств с преимущественным использованием прилагательных *странный, дремучий, темный / черный, мрачный*. Например, вот как журналист «Костра» описывает встречу с баптистом: «...на нас взглянул от крыльца *странный, нездешний* человек. *Нечесанные* патлы до плеч, *кудельная борода, ветхая* одежонка» (Степа говорит..., 1961, с. 44). «Но даже улицы *мрачнели*, когда, словно *тараканы из щелей*, выползали из домов *хмурые люди в темном*» (С кем ты..., 1964). Женщины все носят черные платки, мужчины — в темном, с неопрятными бородами, у девочек волосы «приплюснуты по-баптистски» (За солнце..., 1961). Даже с учетом несовершенства тогдашней полиграфии и иллюстрации к текстам поражают всеми оттенками черного. На обложке книги «Жизнь на коленях», вышедшей в 1964 году в издательстве «Детская литература», помещена крупная фотография искаженного мукой оскаленного лица и фигура человека в темной одежде, сложившего руки в молитве и склонившего голову. Начальный кадр диафильма «Сектантство и его сущность» — пронзительно белые угловатые буквы на угольно-черном фоне.

Детская литература действовала в том же русле, что и пропаганда. Сюжеты произведений В. Козлова «На старой мельнице» (1961), Г. Михасенко «В союзе с Аристотелем» (1965), В. Железникова «Да поможет человек» (1961) строились на том, что дети баптистов переставали ходить в школу и их друзья тревожились. Противостояние родителей-сектантов и детей изображалось прямолинейно: родители (чаще мать) насильно втягивали детей в общину, а друзья помогали вернуться в коллектив. Весьма характерно, что сюжеты часто заканчивались необратимым разрывом с родителями и даже уходом детей из семей.

Образы баптистов окружались самым зловещим языковым контекстом, в котором выстраивались антонимические пары «пионеры — баптисты» и «дети — родители». Интересно, что в основе противопоставления был заключен достаточно примитивный посыл, неотразимо действовавший на детскую аудиторию: удерживая детей в стороне от пионерской организации, баптисты лишали детей *развлечений*. «Родители Роберта, сектанты-баптисты, считали, что их дети должны слепо следовать этому “учению”. Никаких кино, цирков и театров. За чтение газеты — пощечина. Спорт — смертный грех. Павлик, уличенный в том, что играл в футбол, целую неделю сидел без обеда» (Добровольцы, 1963). Девочка сбежала из дома, чтобы не жить с родителями-баптистами: «...есть отец, мать, старшие сестры и братья. Они баптисты. Они меня не пускали в кино. Книг не разрешали читать. В молельный дом водили... Я не хочу быть баптисткой. Не хочу. Знаете, какие они? Как мертвые» (За солнце..., 1961).

Как простодушно проговорился один из журналистов «Пионерской правды» в истории пионерки Ани, порвавшей с матерью-баптисткой, некоторая часть детской аудитории воспринимала рассказы о баптистах как «страшную сказку»: «— Аня, расскажи про дом, где живет старая Бубгольц» (то есть молитвенный дом баптистов) — «мальш прижимается к парте, шурится: *жутко, сейчас страшный рассказ будет*» (Там же).

Избушка на курьих ножках

Понятие «баптист-сектант» — пожалуй, единственное в русском языке слово, имеющее устойчивые связи с определенным цветом, звуком и возрастом. Для поддержания семантики *запретного* детская пресса и литература широко использовала пространственные указатели с атрибутивным сопровождением прилагательных *окраинный, глухой, на отшибе, таинственный*. Молитвенные дома баптистов и сектантов по описаниям всегда располагались где-то в самом глухом углу села или города, с всегда закрытыми ставнями. «*Глухой лес* прячет от любопытных глаз *глухую поляну*. Гулким эхом отдается заунывное пение» (Безвредные..., 1966). Действие повести М. Герчика «Ветер рвет паутину» (1962) происходит на глухом полесском хуторе, баптисты из повести В. Козлова «На старой мельнице» собираются на моления в старом доме на отшибе. Если добавить сюда квазиметонимические употребления существительных *пауки, крысы, тараканы*, то вкуче с топонимическими указателями складывается картина *тайного убежища*, а сами молитвенные собрания воспринимаются как *тайное собрание*. Именно в таких локациях детей тянут то в *сети*, то в *паутину*, то в *болото*.

Кроме того, частотны употребления прилагательных, описывающих интонации и звуки — *заунывный, елейный, визеливый, пронзительный*. Вот как мальчик увидел молитвенное собрание: «Что-то несусветное творилось в доме, *притулившись к самому лесу*. *Рвущие душу крики, вопли, стоны* неслись оттуда. Сектанты молились...» (Ночь миновала..., 1960). Митька из повести «На старой мельнице» проследил за матерью, когда та шла на молитвенное собрание:

С мельницы вдруг послышалось тихое пение, *непонятное, жуткое*. <...> Пение прекратилось. Теперь доносились *пронзительные завывания*. <...> Какие-то *черные угловатые тени* метались по голым бревенчатым стенам, по потолку. В углах чадили тонкие длинные свечи. <...> Он вытянул руки вверх и, задрвав бороденку, глядел в потолок. Вокруг него, заламывая над головой руки, *ползали на коленях люди в черном*. Они *разевали рты, взвизгивали*. Среди них была мать. Она елозила коленями по своему черному кружевному платку, вся тряслась, и тяжелая, растрепанная коса ее волочилась по полу. Красивое лицо матери *уродливо исказилось*, в вытаращенных глазах — *безумие* (Козлов, 1961, с. 23).

В дальнейшем повествовании мать достаточно спокойно и разумно объясняет сыну, почему она так молилась, но описанная кошмарная сцена с использованием экспрессивных прилагательных *пронзительный, уродливый, безумный* накладывает отпечаток на весь образ героини как фанатически верующей. Кроме того, судя по описанию, мальчик стал свидетелем глоссолалии, характерной для пятидесятников, а не баптистов, что может объяснить, почему они уединялись для молитвы, однако советская пропаганда, в отличие от сектантов, плохо понимала разницу между течениями.

Значительную роль играло упоминание возраста, поскольку отвечало «государственному политико-идеологическому концепту о скором отмирании религии в социалистическом обществе вместе с уходом из жизни “темных” и “непросвещенных” старших поколений» (Савин, 2018, с. 499). В основном, судя по публикациям, детей в секты тянули *бабки*, а *деды* возглавляли общины. В рассказе В. Железникова «Да поможет человек!..» главный герой сначала считает иеговистку Магду старухой, но сняв платок, она оказывается совсем молодой женщиной. Мальчика Ионела, героя рассказа В. Шевелова «Золотые клены», пугает бабка: «Как сам *Кащей*, задвигала руками и всем туловищем баба Степанида, *страшная и черная*» (Шевелов, 1964, с. 21). Хозяйка дома, где проходят баптистские собрания, — «старая Бубгольц» — вполне претендует на образ ведьмы. В статье «Святые крысы» журналист рассказывает о «святых письмах», рассылаемых евангеликами и написанных «почерком старого человека» («Святые крысы», 1962). «Это так называемый “церковный и сектантский актив”, большинство которого составляют *малограмотные престарелые люди*» (Светопреставление..., 1966). Логически баптисты-сектанты и должны были быть стариками, поскольку они были из *бывших*, а бывшие, как известно, были до революции. Вот как, например, старая бабка повествовала внучке о боге: «Вкрадчивым, певучим голосом рассказывала она Вере, что происходит “на том свете”, который мы якобы не видим. На небе, мол, живет сам господь бог. *За печкой — домовый. В лесу — леший, а в пруду водятся водяные и русалки*» (Черное дело..., 1959).

В целом пространственные, звуковые, цветовые и возрастные указатели создавали вполне фольклорный сюжет о Бабе-Яге и лешем в глухом лесу на болоте с пауками. Однако намеренное внедрение деструктивной семантики в структуру значения слова и окружение его негативным контекстом добавляло к понятию «баптист» еще одно значение — *злодей*.

«Фанатики» и «изуверы»

Если в 1930-е годы баптистами были в основном кулаки, то в 1960-х для детской аудитории, выросшей на рассказах о подвигах недавно закончившейся войны, описание баптиста как военного преступника было гораздо понятнее и актуальнее, чем развенчание религиозных догм. Неудивительно, что баптистами-сектантами и даже главами общин сплошь и рядом в произведениях детской литературы оказывались бывшие преступники, полицаи, беглые убийцы. Открытие мальчика Митьки из повести В. Козлова «На старой мельнице», что «брат» — глава общины дядя Егор — тайно пьет водку, произвело на него гораздо меньшее впечатление, чем то, что «брат» оказался бывшим отсидевшим срок полицаем Пестрецовым. Глава пятидесятников в повести М. Герчика «Ветер рвет паутину» оказался скрывающимся убийцей. Изменение номинации с «*главы* общины» на «*главарь* общины» значительно усиливало негативную коннотацию понятия «община» как сборища темных личностей. Однако при этом интересно, что детская пресса никак не акцентировала тот факт, что у многих баптистов и меннонитов были немецкие фамилии.

Мотив *смерти*, связанный с понятиями «баптист» и «сектант», имел, пожалуй, наиболее спекулятивный характер. Заголовки публикаций в детской прессе 1920-х годов — например, «*Мертвый* хватает *живого*», «Как *калечат* ребят» (Сектанты..., 1928) — переключались на страницы изданий рубежа 1950–1960-х годов, которые были полны подобных «страшилок». То баптисты не позволяли лечить девочку, и она умерла («Святые крысы», 1962), то один мальчик, конечно из семьи сектантов, неосторожно играя с ружьем, ранил другого мальчика, и тот умер (В Новоселках..., 1962), а то девочку заставили креститься в ледяной воде, из-за чего она умерла (Черное дело..., 1959). Старая бабка кричит внучке-пионерке: «*В ад тебя*, в ад!», «*богохульница*», «*отступница*», «*адово дитя*» (Если человек..., 1969). В рассказе «Золотые клены» отец чуть не убил сына, чтобы спасти его и ввести «в царствие небесное» (Шевелов, 1964). Большой резонанс вызвала статья в «Пионерской правде» о том, как девочку якобы хотели принести «в жертву богу», замурав в каменной стене (Быль..., 1959).

Кинематограф по охвату аудитории значительно превосходил и прессу, и литературу. Конечно, фильм «Армагеддон», снятый на киностудии «Молдова-фильм» в 1960 году, детским назвать нельзя, но неслучайно жертвой секты оказывается ребенок — девочка, которая обнаружила, что секта иеговистов оказалась прикрытием шпионской сети, после чего погибла от рук «сектантов». «Тучи над Борском» — фильм, который считается главным событием хрущёвской антирелигиозной кампании, — изображает неких сектантов (неясно, каких именно) изуверами, решившими распять главную героиню во искушение ее грехов (Аринин, 2017).

С одной стороны, вескими основаниями для такой спекуляции служило само протестантское вероучение с посылом о том, что все люди только странники на земле, и наш дом — небеса. С другой — акценти-

руя внимание аудитории нежного возраста на «потусторонних» разговорах, пропаганда нагнетала мрачную атмосферу вокруг всего, что было связано с баптизмом и сектантством. Выдуманные истории о «жертвоприношениях» пытались убедить аудиторию в том, что религия не только грозит неокрепшему сознанию детей, но и несет прямую угрозу физической смерти. Эксцессы, связанные с религиозными обрядами иеговистов и пятидесятников, распространялись на все протестантские течения. Хотя религиозные практики баптистов не включали в себя коллективные впадения в молебельный экстаз и глоссолалию, пропаганда использовала все средства, чтобы нивелировать принципиальные различия между разными течениями евангеликов, а зловещая тень «изуверства» падала именно на баптистов, поскольку они были «наиболее крупной сектой в нашей стране» (Маят, Узков, 1964, с. 7). В результате у детской аудитории формировалось крайне негативное отношение не столько к религии, сколько к определенной группе людей, маркированной как «изуверы». По свидетельству журналиста О. Будной, когда она спросила пятиклассниц, что они знают о сектантах, девочки ответили: «Это гады, их надо уничтожить. Это вредители» (Будная, 1966, с. 39). Социальная стигматизация верующих протестантских конфессий встраивалась в лингвистический контекст в традиционном бинарном противостоянии «свой — чужой», однако при этом была значительно усилена семантика «чужого» как «чуждого». Мать героя повести Г. Михасенко «В союзе с Аристотелем» гневается: «И не выводятся, вредители проклятые... Уж сколько Советская власть живет, уже спутники по небу летают, а эти поганцы все еще по земле шляются. Закидывают их, что ли, вроде шпионов...» (Михасенко, 1965, с. 31). Обращает на себя внимание постоянное использование прилагательных, формирующих оценочное восприятие баптистов: *лживые, изворотливые, злобные* — это прилагательные, уже освоенные во времена Большого террора. Звонкое эхо тридцатых годов, звучащее в словечке *вредители* в сопровождении оценочной атрибутивной лексики, помещало сектантов и баптистов в нишу «врагов народа», всеми средствами подчеркивая их *чужеродность, инакость* и, самое главное, — их *антисоветский* характер.

Религиозные диссиденты

Нагнетание в советском обществе истерии вокруг верующих протестантских течений достигло критической точки в 1964 году и пошло на спад после отстранения Н.С. Хрущёва от власти. Хрущёвская антирелигиозная кампания оказалась контрпродуктивной, поскольку создавала излишнее напряжение между советскими властями и верующими (Савин, 2016). Начали звучать трезвые мысли о том, что «священники, сектанты, верующие — люди, достойные уважения по своим нравственным стремлениям, но сами потерявшие в жизни много ценного именно из-за своей приверженности богу» (Будная, 1966, с. 40). Советская, в том числе детская, печать перестала изображать всех сектантов как «моральных уродов» и «изуверов», хотя эхо хрущёвской кампании звучало в публикациях «Пионерской правды» вплоть до 1968 года.

Так, в 1965 году в «Пионерской правде» был опубликован очерк «Изуверы», в котором были использованы все наработанные за семилетнюю кампанию языковые формулы: *далекий поселок, злобные сектанты, страшные лица с выпученными глазами, скрюченные пальцы, невинные дети* (последних в секту привел их отец, они назначены в жертву богу, их морят голодом и стегают веревками). Обилие экспрессивной лексики и переизбыток жутких подробностей типа «диких криков» и «огненного ангела» напоминают очерки начала 1960-х годов, когда антирелигиозная кампания была в самом разгаре. Однако интересно, что именно в этой публикации четко прозвучали политические обвинения: «Злостью дышали их молитвы. Они выпрашивали у бога *погибели Советской власти, вымаливая у него нового царя*» (Изуверы, 1965).

В то же время обозреватель «Детской литературы» в статье 1971 года уже более сдержан в языковых средствах — никаких изуверских сюжетов, никакой экспрессивной лексики. Баптисты описываются как люди, «сочетающие религиозность с образованностью», но тем не менее акцент делается на чужеродном характере баптизма. Однако более всего автора тревожит антисоветский характер «баптистской педагогики»:

В таких семьях избегают читать ребенку сугубо «политические» книги, например о революции, о гражданской войне. С ними не спорят, их просто *игнорируют*, не замечают. <...> Отец мечтал сделать из сына знаменитого проповедника баптистов, великого «оракула правды и любви». Но в то же время он, человек образованный, понимал, что сыну надо дать и хорошее гражданское образование. Поэтому, когда Сережа пошел в школу, он не мешал его занятиям, наоборот, всячески помогал ему, особенно в овладении английским языком, которым сам свободно владел. А между прочим внушал: на уроках отвечай только по существу, *что положено, не выявляя своих взглядов*, ибо ты живешь и учишься среди антихристов, которые могут тебя погубить, и чтобы бороться с ними, надо знать их науки (Старцев, 1971, с. 53).

Здесь интересно употребление ряда словосочетаний, таких как «отвечай, что положено», «не выявляй своих взглядов», что в целом рисует советы детям по социальной мимикрии в политической трактовке. Более того — то, что верующие-баптисты «игнорировали» ценности советского воспитания, имплицитно указывало на диссидентский характер этого религиозного движения. Хотя градус обличения и отторжения «сектантских» религиозных течений заметно снизился, уровень неприятия верующих-баптистов остался прежним со значительной сменой акцентов. Если в начале антирелигиозной кампании основным посылом были обвинения баптистов в мракобесии и отсталости, то к концу 1960-х годов ведущим значением в семантической структуре слова стало *антисоветский / диссидентский*.

Выводы

Таким образом, в глобальном противостоянии советского государства и религии детская политическая пресса и детская литература сыграли значительную роль в превращении понятий «сектант» и «бап-

тист» в политический ярлык за счет целенаправленной семантизации значений в негативном контексте. Анализ языкового материала показывает, что политизация словаря религиозной сферы привела к радикальному упрощению семантики, а все номинации получили крайне отрицательную коннотацию. Спецификой антирелигиозной кампании Н. С. Хрущёва было широкое обращение к детской аудитории, а задействованные языковые средства апеллировали не столько к рациональному, сколько к эмоционально-чувственному восприятию. Использование устоявшихся с 1930-х годов номинаций *вредитель* и *диверсант* в отношении сектантов и баптистов привело к стигматизации определенной группы верующих, а за понятиями «сектант» и «баптист» в русском языке надолго закрепилось значение деструктивного. Опасные эксперименты с идеологизацией семантики приводят к тому, что слова, «зараженные советскими смыслами», продолжают упрямо транслировать приобретенные значения.

Список литературы

Аринин Е. И. Вторжение религии в советский кинематограф: между «волшебным» и «вечностью» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. №3. С. 311 – 320.

Будная О. Это тревожит // Детская литература. 1966. №12. С. 39 – 40.

Булдыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре // Сибирский филологический журнал. 2020. №3. С. 204 – 215. doi: 10.17223/18137083/72/16.

Васильев А. Д. Динамика некоторых слов религиозной сферы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. №4. С. 28 – 33.

Воронов Ю. С., Любезнова Н. В. Лингвориторический анализ выступления И. В. Сталина 3 июля 1941 года // Мир русского слова. 2019. №3. С. 62 – 70. doi: doi.org/10.24411/1811-1629-2019-13062.

Галиева Ф. Г. Революционные крестины как феномен советской культуры 1920-х гг. (по материалам прессы Башкирии) // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, №1. С. 26 – 41. doi: 10.12731/2077-1770-2018-1-26-41.

Горбатов А. В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954 – 1964 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2, №3 (59). С. 157 – 160.

Крылова И. А. Проблема иллюстрирования лексики сферы религии в толковых словарях // Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал. 2018. №4. URL: <https://st-hum.ru/content/krylova-ia-problema-illyustrovaniya-leksiki-sfery-religii-v-tolkovyh-slovyah> (дата обращения: 25.12.2022).

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь, 1995.

Москвина Ю. А. Художественно-выразительные средства религиозного дискурса в антирелигиозной и протестантской периодике советского периода // Мир науки, культуры, образования. 2021. №2 (87). С. 574 – 577. doi: 10.24412/1991-5497-2021-287-574-577.

Новикова Ю. В. Роль церковно-религиозной лексики в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, №4 (25). С. 84 – 87.

Савин А.И. Борьба за молодежь: советское государство и религиозные диссиденты в брежневскую эпоху // *Личность, общество и власть в истории России*. Новосибирск, 2018. С. 483–518.

Савин А.И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // *Вестник Тверского государственного университета*. Сер.: История. 2016. №4. С. 59–75.

Сурикова О.Д. Слова безбожник и беззаветный в диахронии русского дискурса // *Политическая лингвистика*. 2014. №1. С. 249–263.

Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х годов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17, №3. С. 92–99.

Эткинд А.М. Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // *Минувшее: Исторический альманах*. М. ; СПб. 1996. Т. 19. С. 275–319.

Список источников

- Безвредные? Нет!* // *Пионерская правда*. 1966. №13. С. 2–3.
Богданов А.А. Старая и новая деревня. М., 1930.
Богданов Н.В. Вызов. М., 1931.
Быль о «святой Марийке» // *Пионерская правда*. 1959. №17. С. 3.
В Новоселках погиб пионер // *Пионерская правда*. 1962. №69. С. 3.
Галстука я не сниму... // *Пионерская правда*. 1967. №44. С. 3.
Герчик М.Н. Ветер рвет паутину. Минск, 1962.
Добровольцы // *Костер*. 1963. №10. С. 5.
Если человек смелый... // *Пионерская правда*. 1969. №8. С. 2.
Железников В.К. Да поможет человек!.. // *Железников В.К.* Хорошим людям — доброе утро. М., 1961. С. 3–14.
За солнце, радость, счастье // *Пионерская правда*. 1961. №99. С. 3.
Изуверы // *Пионерская правда*. 1965. №15. С. 3.
Козлов В.Ф. На старой мельнице. М., 1961.
Маят Е.В., Узков И.Н. Жизнь на коленях. М., 1964.
Михасенко Г.П. В союзе с Аристотелем. М., 1965.
Ночь миновала... // *Пионерская правда*. 1960. №80. С. 3.
Обращение сбора победителей всесоюзного соревнования пионерских отрядов // *Пионерская правда*. 1963. №75. С. 1.
Ожегов С.Н. Словарь русского языка. М., 1960.
Осиное гнездо // *Пионерская правда*. 1964. №17. С. 3.
Светопреставление отменяется // *Пионерская правда*. 1966. №51. С. 3.
«Святые крысы» // *Пионерская правда*. 1962. №6. С. 1.
Сектантство и его сущность: диафильм / Л.А. Сердобольская, А.Н. Кочетов. М., 1961.
Сектанты зашевелились // *Пионерская правда*. 1928. №61. С. 3.
С кем ты, Валя? // *Пионерская правда*. 1964. №65. С. 3.
Старцев Р. Как модернизируют бога // *Детская литература*. 1971. №12. С. 51–53.
Степа говорит «Ни» // *Костер*. 1961. №9. С. 44–46.
Урсынович С. Сектантство // *Малая советская энциклопедия*. М., 1931. Т. 7. С. 738–740.
Черное дело «святых людей» // *Пионерская правда*. 1959. №46. С. 3.
Шевелов В.М. Золотые клены. М., 1964.

Об авторе

Татьяна Вячеславовна Савина, кандидат филологических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующий кафедрой иностранных языков, Новосибирск, Россия.

E-mail: tsavina2005@mail.ru

Для цитирования:

Савина Т. В. «Люди в черном»: семантизация понятий *сектант* и *баптист* в антирелигиозной кампании 1958–1964 годов // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 72–88. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-4.

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SEMANTIZATION OF THE CONCEPTS 'SECTANT' AND 'BAPTIST' IN THE ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN OF 1958 – 1964

T. V. Savina

Siberian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia

Submitted on 17.01.2023

Accepted on 03.04.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-4

In the post-revolutionary era, the population's adoption of a new political vocabulary demanded the Soviet authorities to play the role of the interpretant. They engaged in the process of assigning meanings to new concepts through mass media and fiction. Simultaneously, established concepts had to undergo reshaping to align with the new worldview of the 'Soviet citizen'. The transformation of the semantic structure of religious vocabulary, ideologically marked, reflected the shift in the fundamental values of Soviet society. This article, employing component and contextual analyses, explores the target semantization process of key concepts during Khrushchev's 1958 – 1964 anti-religious campaign, specifically focusing on 'sektant' and 'baptist'. Through mass media and propaganda literature, a set of semantic features for these terms was imposed on the children's audience in ideological contexts. The analysis of linguistic material from numerous sources such as the newspaper Pionerskaya Pravda, Pioneer and Koster children's magazines, and selected works of children's literature reveals that the target audience – school children – led to the emergence of semantic primitives. This involved significantly narrowing the semantics of the words 'sektant' and 'baptist.' Linguistic tools such as new lexical pairs ('sectarian-Baptist,' 'fanatics and bigots,' 'subversives and villains') and linguistic markers related to colour, appearance, age, and location were employed. These tools helped develop a negative image of a Protestant believer and ultimately transformed the concepts of 'sektant' and 'baptist' into political labels.

Keywords: target semantization, sectarians, Baptists, Khrushchev's anti-religious campaign, ideological primitive

References

- Arinin, E. I., 2017. The Invasion of Religion in to Soviet Cinema: Between “the Magical” and “the Eternal”. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 3, pp. 311–320 (in Russ.).
- Budnaya, O., 1966. This is disturbing. *Detskaya literatura* [Children’s Literature], 12, pp. 40–41 (in Russ.).
- Bulygina, E. Yu. and Tripolskaya, T. A., 2020. Processes of ideologization and de-ideologization in Russian religious dictionary. *Siberian Journal of Philology*, 3, pp. 204–215, <https://doi.org/10.17223/18137083/72/16> (in Russ.).
- Etkind, A. M., 1996. Russian sects and Soviet communism: Project of Vladimir Bonch-Bruевич. In: *Minuvshie: Istoricheskie al'manakh* [Past: Historical almanac]. Vol. 19. Moscow; St. Petersburg, pp. 275–319 (in Russ.).
- Galieva, F. G., 2018. The revolutionary christening as the phenomenon of the soviet culture of the 1920s (review of the press in Bashkiria). *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 10 (1), pp. 26–41, <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-1-26-41> (in Russ.).
- Gorbatov, A. V., 2014. Propaganda and the mass media during Khrushchev's anti-religious campaign (1954–1964). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2 (3), pp. 157–160 (in Russ.).
- Krylova, I. A., 2018. The issue of religious terms illustrated in explanatory dictionaries. *Studia Humanitatis*, 4. Available at: <https://st-hum.ru/content/krylova-ia-problema-illyustrirovaniya-leksiki-sfery-religii-v-tolkovyh-slovyah> [Accessed 25 December 2022] (in Russ.).
- Kupina, N. A., 1995. *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions]. Ekaterinburg; Perm, 144 p. (in Russ.).
- Moskvina, Yu. A., 2021. Expressive Means of Religious Discourse in Anti-Religious and Protestant Periodicals of The Soviet Period. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2 (87), pp. 574–577, <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-574-577> (in Russ.).
- Novikova, Yu. V., 2018. The Role of Church-Religious Vocabulary in M. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita”. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 7 (4), pp. 84–87 (in Russ.).
- Savin, A. I., 2016. “Many Doesn’t Even Consider the Possibility, That the Cultist Could Be an Honest Man”. Brezhnev’s Turn in Anti-Religious Policy and Russian Protestantism (1964–1966). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Herald of Tver State University. Series: History], 4, pp. 59–75 (in Russ.).
- Savin, A. I., 2018. Struggle for Youth: Soviet State and Religious Dissidents in the Brezhnev Era. In: *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, Society and Power in Russian History]. Novosibirsk, pp. 483–518 (in Russ.).
- Shmelev, S. A., 2015. The Red “Komsomol Christmas” and the problem of creating a new life-style in the early 1920s. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 17 (3), pp. 92–99 (in Russ.).
- Surikova, O. D., 2014. The words *безбожник* and *беззаветный* in the diachrony of the Russian discourse. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1, pp. 249–263 (in Russ.).
- Vasilyev, A. D., 2012. Dynamics of some words of religious sphere. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [The bulletin of KSPU named after V. P. Astafyev], 4, pp. 28–33 (in Russ.).
- Voronov, Yu. S. and Lyubeznova, N. V., 2019. Linguistic Analysis of Stalin’s Speech on July 3, 1941. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 3, pp. 62–70, <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-13062> (in Russ.).

List of sources

- "Holy Rats", 1962. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 6, p. 1 (in Russ.).
- Address to the gathering of winners of the All-Union Pioneer Unit Competition, 1963. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 75, p. 1 (in Russ.).
- Bigots, 1965. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 15, p. 3 (in Russ.).
- Black business of "holy people", 1959. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 46, p. 3 (in Russ.).
- Bogdanov, A. A., 1930. *Staraya i novaya derevnya* [The Old and New Village]. Moscow, 192 p. (in Russ.).
- Bogdanov, A. A., 1931. *Vyzov* [Challenge]. Moscow (in Russ.).
- Doomsday is cancelled, 1966. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 51, p. 3 (in Russ.).
- For the sun, joy, happiness, 1961. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 99, p. 3 (in Russ.).
- Gerchik, M. N., 1962. *Veter roet pautinu* [The wind tears the web]. Minsk, 112 p. (in Russ.).
- Harmless? No! 1966. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 13, pp. 2–3 (in Russ.).
- I will not take off the tie... 1967. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 44, p. 3 (in Russ.).
- If a person is brave... 1969. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 8, p. 2 (in Russ.).
- Kozlov, V. F., 1961. *Na staroi mel' nitse* [At the old mill]. Moscow, 160 p. (in Russ.).
- Mayat, E. V. and Uzkov, I. N., 1964. *Zhizn' na kolenyakh* [Life on one's knees]. Moscow, 74 p. (in Russ.).
- Mikhasenko, G. P., 1965. *V soyuze s Aristotelem* [In alliance with Aristotle]. Moscow, 224 p. (in Russ.).
- Ozhegov, S. N., 1960. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow (in Russ.).
- Pioneer died in Novoselki, 1962. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 69, p. 3 (in Russ.).
- Sectarians are shaking things up, 1928. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 61, p. 3 (in Russ.).
- Serdobol'skaya, L. A. and Kochetov, A. N., 1961. *Sektantstvo i ego sushchnost': diafil'm* [Sectarianism and its essence: filmstrip]. Moscow (in Russ.).
- Shevelov, V. M., 1964. *Golden Maples*. Moscow (in Russ.).
- Startsev, R., 1971. How God is modernized. *Detskaya literatura* [Children's Literature], 12, pp. 51–53 (in Russ.).
- Stepa says "Ni", 1961. *Koster* [Campfire], 9, pp. 44–46 (in Russ.).
- The night is over... 1960. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 80, p. 3 (in Russ.).
- The tale of "Saint Mariyka", 1959. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 17, p. 3 (in Russ.).
- Ursynovich, S., 1931. Sectarianism. In: *Malaya sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet Encyclopaedia]. Vol. 7. Moscow, pp. 738–740 (in Russ.).
- Volunteers, 1963. *Koster* [Campfire], 10, p. 5 (in Russ.).
- Wasp's Nest, 1964. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 17, p. 3 (in Russ.).
- Who are you with, Valya? 1964. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 65, p. 3 (in Russ.).
- Zheleznikov, V. K., 1961. Let the man help!.. In: V. K. Zheleznikov, ed. *Khoroshim lyudyam – dobroe utro* [To good people – good morning]. Moscow, pp. 3–14 (in Russ.).

The author

Dr Tatiana V. Savina, Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of Foreign Languages Department, Novosibirsk, Russia.

E-mail: tsavina2005@mail.ru

To cite this article:

Savina, T. V., 2024, 'People in Black': Semantization of the concepts 'sectant' and 'baptist' in the anti-religious campaign of 1958–1964, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 72–88. doi: [10.5922/2225-5346-2024-1-4](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-1-4).

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))